

The background of the cover is a composite image. The upper half shows a lighthouse with a glowing light, situated on a rocky island in the middle of a stormy sea under a cloudy sky. The lower half is an underwater scene with a human hand holding a large, orange octopus tentacle that forms a circular frame around the title text.

*Маяк,
окутанный
дымкой*

Константин Богайков

18+

Константин Богайков

Маяк, окутанный дымкой

«Автор»

2025

Богайков К. М.

Маяк, окутанный дымкой / К. М. Богайков — «Автор», 2025

«Есть маяки, что не указывают путь, а заманивают в ловушку. Есть огни, что светят не для спасения, а для того, чтобы ты никогда не забыл: ты одинок, ты на краю, и спасения нет. Твой разум — единственный маяк. Не дай ему погаснуть». Из дневника смотрителя маяка Блэк-Рок.

© Богайков К. М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	9
5	10
6	11
7	12
8	14
9	15
10	16
11	18
12	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Константин Богайков

Маяк, окутанный дымкой

«Есть маяки, что не указывают путь, а заманивают в ловушку. Есть огни, что светят не для спасения, а для того, чтобы ты никогда не забыл: ты одинок, ты на краю, и спасения нет. Твой разум – единственный маяк. Не дай ему погаснуть».

– Из дневника смотрителя маяка Блэк-Рок.

Последние годы мне очень нравятся маяки. Но нравятся они мне не как технические сооружения, а как символы. Как что-то светлое, предупреждающее об опасности и в то же время являющееся проявлением заботы, помогающей эту опасность избежать.

Иногда мне снятся сны, в которых я зажигаю огонь в маяке с наступлением сумерек. Я поднимаюсь по длинной винтовой лестнице наверх, на площадку с зеркалами и линзами, держа в руках горящую масляную лампу. Свет от лампы отбрасывает на стены мою причудливую, изогнутую тень. Она меня не пугает – я знаю, что, пока я несу свет перед собой, тень меня не догонит. Как только в светильнике главного прожектора загорится огонь, тень потеряет свои резкие очертания, станет полупрозрачной, почти невесомой. Разгоревшийся огонь сфокусируется в яркий луч, и свет маяка станет виден далеко в море. И, возможно, кому-то сегодня он спасёт жизнь.

Иногда во снах я бываю на маяке днём. Наверное, это тот же маяк, просто в сумерках я вижу его изнутри, а днём – снаружи. Я хожу по высокому утёсу, наблюдаю, как внизу волны накатываются на камни и с грохотом разбиваются о них. Камни, словно стена, отгораживают галечный пляж, который переходит в крутой утёс из песчаника. На нём и стоит маяк. Неподалёку начинается хвойный лес, окружающий маяк с одной стороны и подступающий к самому краю утёса. В отвесной стене утёса – множество гнёзд, которые свили ласточки. Сейчас они носятся вокруг маяка, охотясь на мелких насекомых.

Когда день, я просто сижу и наблюдаю. За волнами, за ласточками, которые стайками пролетают мимо и ныряют в свои норки-гнёзда.

Иногда я прогуливаюсь в сторону леса. Вдалеке виднеются несколько домиков. Никогда не получается подойти к ним ближе, чтобы рассмотреть. Но, наверное, это постройки, где живёт смотритель маяка.

А потом я просыпаюсь...

1

Утро. Оно стремительно вырывает меня из мягких объятий сна настойчивой вибрацией будильника. Уже бессознательно, почти на автомате, я перевожу его ещё на десять минут. Да, я знаю, что это вряд ли поможет выспаться. И уж точно не вернёт меня в сон. Но эти десять минут создают иллюзию, что я могу отодвинуть момент пробуждения. Хотя бы ненадолго.

И вот снова вибрация. Настойчивая, требовательная.

Хорошо, хорошо, встаю, – бормочу я себе под нос.

Теперь уже точно поднимаюсь. Эти десять спасительных минут – они как маленькая передышка. Время, чтобы спланировать день, представить его, нарисовать в голове карту своих действий. Правда, не всегда это работает. Чаще бывает так: только закроешь глаза, как уже снова жужжит будильник.

Бзззз – бзззз.

Меня из сна выдёргивает вибрация телефона в руке. Открываю глаза и понимаю: всё, о чём я только что думал, было лёгким наваждением сна. Теперь точно нужно вставать. Времени на завтрак почти не осталось. Быстро умываюсь, одеваюсь и выхожу из дома.

Улица. Люди. Все спешат утром в одном направлении, вечером – в обратном. Они заполняют собой общественный транспорт, сливаясь в единый поток. Утром этот поток покидает свои уютные дома и движется по делам: кто-то на работу, кто-то на службу. Все они тратят своё время, чтобы обменять его на какие-то блага. Чтобы оплатить крышу над головой, под которой можно провести время для себя.

Я уже спускаюсь в метро. Пара остановок – и я буду на месте. Конечно, двадцать минут до метро – это не близко. Но пока добираешься, в голову лезут те самые мысли. Про поток людей и время. Кажется, что это не мои мысли, а какие-то коллективные. Концентрированные, чужие.

Жизнь давно поделилась на четыре части: дом, дорога, работа, отдых. При этом отдых – что-то призрачное. На работе отдыхаешь от дороги, в дороге – от работы. А кто-то, наверное, на работе отдыхает от дома, а дома – от дороги. В любых перестановках отдых превращается просто в другую работу.

2

Подойдя к зданию офиса, где мне приходилось работать последние несколько лет после переезда, я перекинулась парой стандартных фраз с охранником, задумчиво стоявшим у двери, и прошла в просторный холл первого этажа. Я работала наёмным сотрудником в обычном офисе с кучей непонятных задач, постоянными дедлайнами и вечными «нужно было сделать ещё вчера». За всё время работы у меня сложилось стойкое ощущение, что весь офис не успевает сделать вовремя ничего. И я вместе с ним. Мы будто вечно отставали или всегда догоняли.

Единственное, что было хорошего в этой компании, – нет, не зарплата. Зарплата как раз была на среднем уровне. Зато социальные гарантии были действительно неплохими: компенсация обедов в соседнем кафе, ежегодное ДМС, а раз в год – путёвки в какой-нибудь санаторий или на длительную экскурсию. Правда, всего на пять дней. Или сиди дома десять.

Вот и в прошлом году нам предложили круиз – обзорную экскурсию на теплоходе вдоль побережья с заходом в несколько маленьких портов. Целью было ознакомление с достопримечательностями и историей этих мест.

Мы побывали в двух фортах и трёх городах. Нам рассказали историю возникновения и постройки разных сооружений, а также поделились разными «страшными тайнами». В общем и целом, это была познавательная экскурсия с возможностью расширить кругозор.

Но в остальное время всё возвращалось к привычной рутине и бесконечной погоне за убегающим временем.

3

Идя в сторону дома, в район, который местные называли «человеёником», я двигалась в потоке людей, ощущая напряжение, витающее в воздухе. Оно исходило практически от каждого, кто шёл рядом. Это было ощущение тихой ненависти, направленной на всех и вся. Радостные люди, попадая в этот поток, как-то сразу угасали, пряча свои яркие чувства за пеленой безразличия. Они боялись, что окружающие заберут их радость или растопчут. Я тоже прятала все эмоции вглубь себя, подальше от этого бурного потока серой людской массы. Вперёд иди, стой на красный, иди быстро, не путайся под ногами. Просто тела, бездушные, работающие ради работы, ненавидящие ради ненависти, потребляющие ради потребления.

О, эта омерзительная людская река! Сонная и недовольная утром, раздражённая и ненавидящая вечером. Она, наверное, никогда не станет чистой, прозрачной и светлой. Этот поток отравляет практически всех, кто в него попадает.

Тут нужен маяк. Яркий луч его света должен указывать путь тем, кто ещё не стал частью этой безразличной массы. Маяк, который будет предупреждать об опасности и сопровождать яркие огоньки ещё не погасших от серости людских душ.

4

С этими мыслями, которые, как мне казалось, не принадлежали мне, я дошла до своего дома. Поднялась на этаж, где находилась моя квартира, открыла сумку и, порывшись несколько секунд, вынула ключи. Дверь открылась с лёгким скрипом.

Зайдя внутрь и закрыв за собой дверь на ключ, я уселась на пуф возле входа. Откинулась на стену, закрыв глаза. Свет в коридоре я так и не включила – из окна пробивался мертвенно-бледный, холодный свет уличного освещения. Но мне было всё равно. Какая-то тяжесть навалилась на плечи, и, как будто кто-то специально держал мои веки закрытыми, я не могла их открыть.

Я попыталась моргнуть. Стало немного легче. На секунду мне показалось, что свет с улицы, падающий на стену и потолок через окно, стал чуть ярче. Нет, показалось. Глаза слезились, будто от лука, который режут тупым ножом. Ещё раз моргнула, потёрла глаза...

Когда я открыла их снова, то немного удивилась. Я сидела не на пуфе в своей квартире, а на табурете в какой-то узкой комнате. Через дальнее окно с улицы пробивался свет. В воздухе висели мелкие пылинки, и поэтому свет из окна был виден на всём своём пути до стены. Пылинки медленно двигались, будто танцуя в лучах.

Комната была узкой – скорее чулан, чем комната. Маленькое окошко, пыльное и грязное, едва пропускало свет. Чем дольше я вглядывалась в полутьму, тем больше деталей различал мой мозг. Хотя мне казалось, что половину из них он придумывает сам.

Грязное окно, стул в дальнем конце комнатушки, старый комод в углу. На стене – полка, на ней, кажется, ничего нет. Под полкой – маленькая тумбочка, заваленная каким-то хламом. А я сижу на табуретке возле двери, подпирая стену.

Ааап-чи-и! – Я чихнула. В носу свербило от пыли. Попыталась встать, но ноги были ватными, чужими, будто я долго сидела в неудобной позе. Чтобы не рисковать равновесием, села обратно на табурет и постаралась рассмотреть комнату повнимательнее.

5

Глаза окончательно привыкли к полумраку комнаты и яркому пятну небольшого окна, которое контрастом слепило меня. Я попыталась снова подняться. Это было очень тяжело, будто меня сковали по рукам и ногам. Сделала шаг, покачнулась, но устояла на онемевших, ватных ногах. В ушах стоял звон от тишины – ни эха, ни каких-либо звуков не было слышно.

Ещё шаг. Я хотела дойти до комода, а в лучшем случае – до окна, чтобы посмотреть на улицу. Мне почему-то казалось, что я знаю, что увижу по ту сторону стекла. Вот только описать или вспомнить это я не могла.

Ещё шаг. Я уже почти могла дотянуться до уголка комода. Тяну руку, и вдруг перспектива начинает вытягиваться вместе с моим движением. Я отдёргиваю руку назад, и всё возвращается на свои места. Но с каждым шагом вперёд окно, стул и комод становятся всё дальше. Или всё меньше. Комната начинает вытягиваться, а я, шагая вперёд, отдаляюсь назад.

Иллюзия длинного коридора. Я такое уже видела, кажется, когда была маленькой и меня лихорадило. Зрение начинало обманывать: всё становилось непропорциональным, будто смотришь через стеклянный шар.

Я сделала ещё шаг и остановилась. Комната окончательно превратилась в длинный, вытянутый коридор, уходящий далеко вперёд. В конце было яркое пятно окна. Комод, полки, стул, тумбочка – всё осталось на своих местах, так же близко. Казалось, до всего можно дойти, сделав шаг. Но с каждым шагом всё становилось только дальше.

Я попыталась повернуться, но потеряла равновесие и стала падать на бок. Постаралась сгруппироваться, чтобы не удариться сильно, и, выставив руки в сторону падения, инстинктивно зажмурилась. Стукнувшись о что-то твёрдое, но не слишком сильно, я открыла глаза.

Полумрак. Я не могла понять, где нахожусь и что происходит. Лежу на полу, завернутая в какую-то ткань. Или тряпки. Нет, это одеяло. Я просто ворочалась во сне и упала с кровати. Надо же, такой ерунде присниться.

Только сейчас я стала ощущать головную боль и озноб. Ну вот, ещё не хватало заболеть.

6

Прошла неделя. Или чуть больше.

Я не появлялась на работе. Не брела по мрачным серым улицам, не тонула в вязкой людской массе. Всё это исчезло – будто кто-то вырвал страницы из книги моей жизни.

Вместо этого была лихорадка. Горячечный бред. Головная боль, сжимающая виски, словно тисками. И сны... Тревожные, бредовые сны.

Мне снились бесконечные коридоры – то ли подземелья, то ли старого замка. Давящий мрак. Тени, которые шевелились, когда я отворачивалась. Я просыпалась в липком поту, сбиваясь со счёта: это был сон? Или я всё ещё сплю? Граница между явью и кошмаром стёрлась, оставив после себя лишь призрачную пелену морока.

В тот вечер я полулежала на кровати, уставившись в телевизор. Картинки сменяли одна другую, а я механически щёлкала пультом, не в силах сосредоточиться. То ли медитация, то ли вегетативное существование – я уже не понимала.

На одном из каналов – то ли про путешествия, то ли про тайны – шла передача о маяке. Одинокий маяк на далёком острове, где бесследно исчезли шесть... или семь зрителей.

Все они пропадали в последние дни своей вахты. Новый дежурный, прибывая на смену, не находил ничего подозрительного: вещи аккуратно собраны, журналы заполнены, записи о поставках в порядке. Даже капитаны рыбацких судов, заходившие к маяку, не замечали ничего странного.

Камера медленно плыла вдоль утёса, показывая маяк и прилегающие постройки. И вдруг – холодный спазм пробежал по спине.

Я узнала это место.

Видела его. Буквально на днях – во сне.

Только там было солнечно. Я сидела на траве, наблюдая за ласточками...

Дежавю накрыло, как волна, когда съёмка переключилась на домик зрителя. Маленькая комната – один в один, как в моём сне. Та же узкая кровать, тот же стол у окна... Даже ощущение беспомощности вернулось – то самое, из сна.

Я прибавила громкость.

Голос за кадром вёл повествование под зловещую, таинственную музыку.

7

Бушующее море, тёмные тяжёлые тучи, на высоком утёсе в далеке одинокий маяк, который становится всё ближе наползая на наблюдателя.

Раздаётся интригующий глубокий голос: – «Остров Блэк-Рок. Последний маяк в этом регионе, где ещё сохранилась старая система линз Френеля. Но славится он не своей архитектурой, а странной статистикой: за последние 12 лет здесь бесследно исчезли семь зрителей.»

Ведущий программы – мужчина с пронизательным взглядом – сидит за столом, на котором лежит старая морская карта и несколько папок с какими то бумагами и фотографиями.

«Добрый вечер. Сегодня мы расскажем вам историю, которая не поддаётся объяснению. Семь человек. Семь опытных специалистов. Все исчезли в последний день своей вахты. Ни следов борьбы, ни предсмертных записок. Только аккуратно сложенные вещи и исправно работающий маяк.»

В углу на небольшом экране рыбацкая лодка медленно продолжала приближаться к острову. На палубе – двое мужчин в спасательных жилетах, один из мужчин похож на ведущий.

Смена плана, капитанский мостик, камера направлена на мужчину в капитанской фуражке, мужчина средних лет, лицо загорелое, с морщинами у глаз.

Ведущий задаёт вопросы и показывает фото человека взятое видимо из семейного архива. – «Вы доставляли провизию последнему зрителю, Джеймсу Коллинзу. Как он выглядел в тот день? Как себя чувствовал, чтонибудь подозрительное или странное в его поведении вы не заметили?»

Капитан берёт фото и всматриваясь в него медленно отвечает «Нормально он выглядел. Усталый, конечно – вахта подходила к концу. Три недели прошли, три недели работы в одиночку на краю земли. Но…» – капитан замолкает, переводит взгляд в сторону, «он попросил у меня сигарету, и не стал забирать заказанный блок. Говорит: «Последняя перед отъездом. А когда мы вернулись через неделю – его уже не было. Мы обыскали весь остров, лампа то горела, будто он только что зажжёт её.»

Камера движется за Ведущим по тёмным коридорчикам, он открывает одну дверь за другой и заглядывает в комнаты, свет не включает, одна из комнат больше похожая на небольшую кладовую имеет совсем заброшенный вид, небольшое окно в противоположной стене освещает стул, стол пару полок. Ведущий заходит внутрь. На столе виден журнал с записями. Он открыт и на нём лежит ручка. Как будто её недавно оставили и скоро придут дописать то что не успели.

Камера обходит ведущего и фокусируется на открытой странице так что можно прочитать последнюю запись: «Завтра покину этот остров и брошу эту работу, вчера мне показалось «далше текста не было.

Снова показывают студию, в студии появляется седовласый мужчина в очках ведущий его представляет как историка-мариниста.

Мужчина рассказывает историю постройки маяка и продолжает – «После последнего исчезновения власти приняли нестандартное решение: маяк полностью автоматизировали. Теперь за ним следят дистанционно. Но…» – он снимает очки, «местные капитаны рыболовецких кораблей иногда возят туда туристов. Говорят, что ночью, если смотреть со стороны моря, можно увидеть... свет в окнах.»

Камера медленно отъезжает, показывая ведущего, который скептически поднимает бровь.

«Спасибо, профессор. Что это было – психоз, череда совпадений или нечто большее? Мы, возможно, никогда не узнаем. Но факт остаётся фактом: вот уже пять лет маяк работает без зрителей. И, кажется, всех это устраивает и ни кого не интересует.»

маяк в сумерках ночи отдаляется, корабль со съёмочной группой плывёт к материку. Пристройка зрителя почти скрывается из вида. Внезапно в одном из окон мелькает свет – и тут же гаснет.

Раздаётся громкий шёпот – “или не устраивает?”

Камера показывает ведущего листающего объёмную папку, он поворачивает голову к камере и произносит закрывая папку. “С вами был Михаил Волков. «Тайны мира» – там, где кончаются факты. Помните: некоторые вопросы лучше остаются без ответа.”

8

Серое утро смотрело в окно свинцовыми тучами. Их цвет без слов говорил: на улице мерзко, промозгло и холодно. Но делать было нечего – через два часа нужно быть в поликлинике.

Состояние стабилизировалось, мне стало лучше. Казалось, я наконец выздоровела.

Привела себя в порядок, позавтракала. Выглянула в окно проверить, идёт ли дождь.

"Да уж, погода точь-в-точь как в той программе про маяк", – мелькнула мысль.

И вдруг пол качнулся, будто я стояла на палубе рыбацкого судёнышка. Я отошла от окна, присела на край стула у компьютера, случайно задев мышку локтем.

Экран ожил, показав браузер с десятком открытых вкладок:

«Маяк на краю земли», «Пропавшие зрители», «Полиция отказывается комментировать», «Следов борьбы не обнаружено», «Считать без вести пропавшими», «В последний день»...

Фотографии. Планы. Схемы. Даже расписание экскурсий с пометкой «На свой страх и риск».

Я перечитывала заголовки, пытаюсь вспомнить, когда искала эту информацию. Память во время болезни сыграла со мной злую шутку – передачу помнила в деталях, а вот свои ночные поиски не помнила вовсе.

Да и вообще-то маяки меня никогда особо не интересовали. Хотя... тайны и загадки будоражат всех. Каждый в какой-то момент жизни воображает себя великим сыщиком, разгадывающим мистические загадки.

Время подошло к выходу. Оделась, вышла на улицу. Дождя не было, но тяжёлые тучи нависали над городом, угнетающе давя на сознание. Казалось, ещё чуть-чуть – и они раздавят и меня, и дома вокруг, и машины, вечно толкущиеся в пробках.

"Хоть людей сейчас немного, не то что в час пик... они даже не заметят", – странная мысль вертелась в голове, пока я шла к остановке.

Что именно "не должны заметить" несуществующие на улице люди? Почему "мягкие" тучи могут раздавить машины? Эти бессвязные мысли крутились в голове, пока автобус вез меня к поликлинике.

Вы здоровы. Вас что-нибудь ещё беспокоит? – спросила врач.

Только лёгкая качка под ногами, – ответила я.

Качка? Голова кружится?

С утра немного. Наверное, от резкого подъёма.

Сейчас не кружится?

Сейчас нет.

Тогда выписываем вас. – Врач протянула синюю справку с печатью. – Можете выходить на работу с завтрашнего дня.

Но завтра же суббота, доктор.

Ах, да! – она улыбнулась. – Тогда с понедельника.

Я взяла справку, попрощалась и вышла.

9

Выходные пролетели незаметно. Ещё не успела начаться суббота, как уже наступил вечер воскресенья – и это несмотря на то, что в запасе была половина пятницы. Правда, часть этого времени я потратила на рабочие созвоны. Бесплезная болтовня, где главным вопросом было: "Когда выйдешь в офис и продолжишь работу над проектом, который вот-вот будет сдан?"

Три месяца мы прорабатываем систему автоматизации освещения для нового микрорайона. Постоянно добавляют новые требования – кажется, хотят избавиться от всего обслуживающего персонала. Уже внедрили:

- включение/выключение по таймерам
- датчики освещённости (и для улицы, и для подъездов)
- датчики движения

А теперь ещё хотят, чтобы на центральный пульт приходила информация о перегоревших лампах. Ладно, подумаем.

В схемах уже угадывался образ будущего района – тонкие линии коммуникаций, словно нервная система, расходились от центрального пульта ко всем устройствам.

Пятница закончилась на этих размышлениях. Я добавила в ТЗ запрос поставщикам о стоимости дополнительных датчиков. Ответ обещали в понедельник. Их менеджеры всегда рады нашим письмам – когда горят сроки, мы готовы переплатить. И они привозят. И заказчик не может купить в другом месте – такой пункт в договоре. Самое смешное, что всех это устраивает.

Суббота.

Пролежала пол дня, разглядывая потолок. "Нет, на этой неделе это не про меня", – подумала я. После больничного, где я и так неделю смотрела в пустоту, хватит.

Собравшись, поехала в центр – прогуляться, посмотреть на мир. На одной из улиц промоутер вручил флаер: фотовыставка "Освещающая путь. Маяки мира".

"О, это недалеко", – решила сходить.

Пришла по адресу... и обомлела. Казалось, половина города внезапно заинтересовалась маяками. Очередь растянулась на полквартала. Уже собиралась уйти, но остановилась: "Ну уж нет! Постою в этой очереди. Может, там действительно есть шедевр, ради которого все собрались?"

Извините, – окликнул меня пожилой мужчина с седыми волосами и бородой. – Вы на "Мир маяков" стоите?

Да, именно туда.

А... извините, за вами кто-то занимал?

Нет, я последняя.

Крайняя, – поправил он, ехидно улыбаясь. – Вы же надеюсь не последняя, кто посетит выставку?

Меня всегда бесили эти споры о "крайних" и "последних".

Скажите, – продолжил он, – экскурсовод сегодня – та милая пожилая женщина?

Не знаю, я там впервые.

О, это вы зря! Я уже третий раз прихожу – и всё не успеваю посмотреть.

"Возможно, вы приходите не на маяки", – промелькнуло у меня в голове.

А что, там так много фотографий? – спросила я вслух.

Да, есть на что посмотреть! И экскурсовод рассказывает увлекательно. К каждому маяку – своя история. Для одних – романтическая, для других – леденящая душу, для третьих – героическая. Вы точно не пожалеете!

Так за разговором мы и подошли ко входу.

10

Дверь галереи с лёгким скрипом распахнулась, пропуская нашу группу внутрь. В просторном зале пахло старыми книгами и древесным лаком – запахом, который почему-то всегда витал в музеях.

У стойки с билетами стояла та самая “милая пожилая женщина” – высокая, с седыми волосами, собранными в строгую плетёную косу. На её бледном лице выделялись только тёмные, почти чёрные глаза – слишком живые для её возраста.

Добро пожаловать на фотовыставку «Мир маяков», – её голос звучал неожиданно глубоко и мелодично, как звук далёкого корабельного горна. – Меня зовут, Ирина Викторовна. И да, перед тем как спросить – нет, я никогда не работала смотрителем.

Группа рассмеялась. Мой спутник – седовласый мужчина – тут же поспешил вперёд:

А я, как всегда, ваш самый преданный слушатель! – он взял её руку с преувеличенной галантностью.

”О боже, он ей сейчас откусит кисть” – мелькнуло у меня в голове.

К счастью (или к сожалению), Ирина Викторовна лишь вежливо кивнула и настойчиво убрала свою руку.

Мы двинулись вдоль стен, усыпанных фотографиями.

Маяк – это не просто сооружение, это граница между мирами, – начала экскурсовод. – Между светом и тьмой, порядком и хаосом, жизнью и... чем-то иным.

Она указывала тонкой указкой на снимки:

“Белый гигант Бишоп-Рок” – крошечная башня посреди бушующего океана.

“Кроваво-красный маяк Япскары” – “кладбище кораблей”, как его прозвали моряки.

“Заброшенный Тридрангар” – на вершине неприступной скалы, куда даже вертолёты не могут сесть.

Мой спутник то и дело комментировал:

О, этот я видел лично в 89-м! Волны были высотой с пятиэтажный дом!

Ирина Викторовна терпеливо улыбалась.

”Он определённо пытается произвести впечатление”, – мысленно хихикнула я. ”И, кажется, даже не понимает, что выглядит как тюлень, хвастающийся перед морской львицей.” – “какое странное сравнение мне пришло в голову.”

И вот мы подошли к нему – “Блэк-Рок” – “название маяку конечно дали как в лучших триллерах.” В местах с такими названиями всегда что-нибудь происходит, “Чёрное зеркало”, “Чёрное озеро”.

Фотография висела особняком, в углу зала, будто её специально хотели спрятать. На снимке – мрачная башня на утёсе, окутанная туманом.

Этот маяк... особенный, – голос Ирины Викторовны внезапно стал тише.

Рядом висели:

– Фото пропавших зрителей (семь мужчин, все с одинаково усталыми глазами).

– Страницы вахтенных журналов (последняя запись: “Сегодня ночью мне показало...”).

– Аэрофотосъёмка – остров напоминал гигантский коготь, вцепившийся в море.

Местные легенды гласят, что здесь было святилище Нордов, или Варягов, – продолжила она. – Говорят, они приносили жертвы, чтобы «удержать тьму за дверями». И что... маяк стоит на том самом месте.

Когда она закончила рассказ, в зале повисла тишина. Даже мой ухажёр перестал улыбаться.

Экскурсия закончилась. Группа рассеялась, а я задержалась у выхода.

Спасибо за компанию, – сказала я моему случайному спутнику, седовласому мужчине.

О, это мне спасибо? – он вдруг стал серьёзен, улыбочивость и какая то весёлость исчезли с его лица, глаза как будто стали темнее или ... – Знаете... я был тем капитаном, который не нашёл последнего зрителя.

Я замерла. Теперь кто-то он это сказал я вспомнила его лицо, это был тот капитан из программы про маяки.

Его звали Роберт. Мы были с ним хорошо знакомы, и рядом с журналом на столе было вот это... Он сунул руку в карман и достал фотографию 10 на 15 цветную но выцветшую от времени, как будто она долго находилась на солнце – Он сунул её мне в руку.

Присмотревшись в неправильные цвета фотографии сердце пропустило удар и в бешеном ритме начало стучать в висках. – На фотографии, сделанной минимум 10 лет назад, среди летающих ласточек сидела... я? Нет, это не я, это просто кто то очень похожий.

От куда... “я уже начала задавать вопрос как поняла что стою одна в маленьком холле между дверями улицы и внутренними.

11

Вечер воскресенья. Как добралась домой после выставки – не помнила. Трамвай, метро, пешком... Всё это слилось в одно пятно. Всё время в дороге разглядывала ту самую фотографию. Она будто долго лежала на солнце – краски выцвели, но изображение было чётким.

На фото – точно я. Даже платье то самое, висит в шкафу. Но снимок явно старый. Что за шутки? И куда подевался тот дед из галереи? Наверняка, пока я вглядывалась в карточку, ускользнул к экскурсоводу – той самой Ирине Викторовне, что закрывала внутреннюю дверь.

Вопросов было больше, чем ответов.

Раздался звонок. На экране – «Фёдор Семёнович». Замдиректора. Звонил редко, и только если нужно было «срочно сделать ещё вчера».

Добрый вечер, – начал он, едва я успела сказать «алло». – Как самочувствие? Вы ведь завтра выходите.

Да...

У нас крупный проект. Хотим вас перевести.

Какой проект? – насторожилась я. – Мне ещё текущий доделывать...

Ничего страшного. Передадите Людмиле.

Но я...

Никаких «но». Завтра сдаёте текущее, знакомитесь с новым заданием и командой.

Командой?

Да, командой. Группой, если угодно. Обсудим завтра. Главное – не опаздывайте.

Хорошо...

Отлично. Мы на вас рассчитываем.

Рассчитывают. Странно. Я даже не в штате. Обычно «вкусные» проекты отдают штатным. Значит, дело пахнет чем-то необычным. Или проблемным.

Ночь выдалась беспокойной. Полночи ворочалась, думая о фотографии, маяке, новом проекте. Когда наконец провалилась в сон, он оказался... другим.

Остров. Но будто в ином времени.

На утёсе, где стоял маяк, пылал огромный костёр. Отблески танцевали на чёрной воде. Чистое звёздное небо.

Я стояла у борта парусного корабля. За спиной – хлопанье парусов, всплески вёсел. Вода – чёрная, рябая, почти без волн.

У костра – люди с факелами. То ли ходят кругами, то ли исполняют странный танец.

С каждой минутой напряжение росло. Чем ближе остров, чем выше утёс – тем сильнее сжималось горло.

Корабль дрогнул – днище заскрежетало по гальке.

Вибрация отдалась в ладонь

И вдруг -

Бзззззз!

Я пошатнулась, инстинктивно зажмурилась...

Бзззз!

Открыла глаза. В руке – вибрирующий телефон. На экране – 6:30. Мелодия «Валерман» в исполнении какого-то этнического ансамбля.

12

Звонок будильника разрезал сон, как нож. Рука автоматически потянулась к телефону – выключить, отложить, ещё пять минут... Но мозг уже прокручивал вчерашний разговор. “Крупный проект”. “Команда”. “Не опаздывать”.

Я встала. В зеркале – бледное лицо, тени под глазами. “Похоже на тех пропавших смотрителей”, – мелькнула невесёлая мысль.

Утро выдалось серым. Трамвай, пересадка, снова толчея в метро.

Почему именно я? – думала я, глядя в запотевшее окно. – Неужели Людмила отказалась? Или... проект какой-то “особенный”?

Из метро вышла раньше – решила пройтись. Может, свежий воздух прояснит мысли.

Фёдор Семёнович ждал в коридоре.

А, вот и наш главный проектировщик! – улыбнулся он неестественно широко. – Пойдёмте, знакомить буду с командой.

А что за проект? – не удержалась я.

Всё расскажем. Всё покажем.

Он увернулся от конкретики, Сохранив налёт таинственности.

В переговорной сидели четверо:

1. Инженер-электронщик – худой, в очках с толстыми линзами. Представился “просто Сашей”.

2. Инженер-программист – девушка с розовыми волосами. “Можно Лена”.

3. Врач – мужчина лет сорока, спортивного телосложения. Кивнул: “Дмитрий”.

4. Механик – коренастый, с руками, исчерченными шрамами. Буркнул: “Михаил”.
Необычный состав, – пробормотала я.

Команда мечты! – парировал Фёдор Семёнович.

Коллеги, вас собрали для уникального проекта, – начал он, щёлкая презентацией. – Полная модернизация автоматики.

Слайды мелькали: схемы, графики, технические требования...

Объект находится в труднодоступном месте. Работа вахтовая. Всё необходимое будет на месте.

Где именно? – спросил Дмитрий.

Фёдор Семёнович улыбнулся и переключил слайд.

На экране возвышался – он. Блэк-Рок.

Тот самый. С фотографии. С моих снов.

Поздравляю, – сказал Фёдор Семёнович, – именно нашей фирме доверили модернизировать этот исторический объект.

Комната вдруг стала очень тесной.

Вопросы есть?

Я подняла руку:

А зачем в команде врач?

Протокол безопасности для работ на труднодоступных объектах, – ответил Дмитрий, прежде чем замдиректор успел открыть рот.

Почему поворота не взяли, – улыбнувшись спросил Александр, протирая линзы очков.

Фёдор Семёнович радостно кивнул:

Вот видите? Уже работаете как команда!

Лена потянула вверх руку отводя взгляд от смартфона:

Скажите, этот маяк ведь за границей находится?

Да. Верно, почти, он находится в нейтральных водах и поэтому тендер на модернизацию был выставлен на общее международное рассмотрение. И мы его выиграли.

Не очень ли маленькая команда для такого большого проекта? Не унималась Лена.

Как раз то что нужно, ответил Фёдор Семёнович. Файлы и документацию вам вышлют в ближайшее время. На вас только осмотр и подготовка проекта. Он посмотрел на меня, вы же подготовите проект?

Да, начну как только получу ТЗ. Ответила я.

Тогда сейчас все свободны, готовьтесь. Вылет, если ни чего не поменяется назначен на среду.

Я поднялась на негнущихся ногах, – ещё и вылет.

Пойду в кабинет почитаю накопившуюся почту.

1

3

Пролистывая корпоративную почту, я наконец поняла, почему выбрали именно меня. Никакой мистики – просто оказалась единственной, у кого в графике было "окно". Да ещё и болела в момент голосования. Повезло так повезло.

Дверь кабинета скрипнула. На пороге – Фёдор Семёнович с пухлой стопкой папок. Видимо, пока я валялась с температурой, кто-то съездил в архив.

Вот всё, что удалось собрать, – он с лёгким стуком поставил папки на стол. – Чертежи, схемы, графики. Вся информация по предыдущим модернизациям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.